

Экономическая политика и хозяйственная практика

24 сентября 1998 г. в Москве состоялась конференция «Разрешение проблемы неплатежей в интересах российского народа», организованная Правительством Москвы и Отделением экономики РАН при поддержке Торгово-промышленных палат Москвы и Российской Федерации. На конференции выступили мэр Москвы Ю.М. Лужков, академик-секретарь Отделения экономики РАН Д.С. Львов, академики Л.И. Абалкин, Н.Я. Петраков, А.Д. Некипелов, чл.-корр. РАН В.В. Ивантер. Мы публикуем эти выступления.

«Блефономика» или реальная экономика?

Ю.М. Лужков

Уважаемые участники конференции! Прежде всего я хотел бы поблагодарить организаторов конференции и всех тех, кто пришел сегодня сюда обсудить проблему разрешения неплатежей в интересах российского народа, являющуюся сегодня одной из актуальнейших.

Думаю, что в России кончается пора «дикого монетаризма», бывшая результатом работы очень узкой группы так называемых специалистов по макроэкономическим проблемам, и - к сожалению, в невыносимо сложных условиях - начинается другая эпоха, которая должна обеспечить развитие ре-

ального сектора экономики и через него решить остро проявившиеся многочисленные проблемы, угрожающие сегодня государству, те проблемы, которые невозможно решить «игрой в деньги».

В последние годы ситуация с неплатежами постоянно обострялась. Взаимные неплатежи предприятий друг другу и недоимки по налоговым платежам в бюджеты всех уровней непрерывно увеличивались. Только по Москве долги по платежам в городской бюджет на начало августа текущего года составили 5,35 млрд. рублей, в федеральный бюджет - 3,9 млрд. рублей. Дебиторская за-

долженность предприятий и организаций достигла 170 млрд. рублей, а кредиторская - 194 млрд. рублей.

Во второй половине августа объем налоговых поступлений сократился против первой половины месяца почти в 3 раза, а к этому же периоду предыдущего года - на 60 процентов. Эта же тенденция сохранилась и в сентябре текущего года. В связи с кризисом банковской системы многими банками задерживается исполнение поручений по платежам в бюджет. Подобная ситуация характерна и для всех других регионов страны.

Мы многократно вносили в Правительство РФ комплексные предложения руководства города Москвы, основанные на опыте собственной работы, идеях видных экономистов, хозяйственников и предпринимателей. Однако они игнорировались или подвергались обструкции.

Сегодня приходится констатировать плачевное состояние страны, особенно после введения известного моратория. Мы очевидным образом стали банкротами в глазах мирового сообщества. Все деньги, которые были получены - я имею в виду зарубежные кредиты, - тратились на потребление, и практически ни одного доллара не было направлено на созидательные цели, на цели развития производства и получения прибылей, которые обеспечивали бы решение социальных проблем.

Мы стали свидетелями создания экономики, которая, соорудив феномен ГКО, по существу перенесла мошенничество с уровня отдельных личностей на мошенничество государственного уровня. Я думаю, что этот феномен требует еще своего изучения и описания, возможно, с участием правоохранительных органов. Я не вижу разницы между действиями Мавроди и действиями Чубай-

са, Дубинина и Черномырдина, которые ввели ГКО и установили вначале 200-процентные ставки. Они прекрасно понимали, не могли не понимать, что деньги, которые можно получить, продав ГКО и вложив их в какое-то дело, никогда не дадут этих 200 процентов, тем более в случае, когда эти деньги вкладываются не в дело, а тратятся на пропитание, на сугубо потребительские цели. Таким образом, возвратности от таких ГКО мы с вами и ожидать не могли, и когда сумма заимствований перешла критическую черту, все, естественно, обрушилось.

Конечно, этот обвал не был результатом действий только правительства Кириенко, хотя и к этому правительству можно предъявить серьезные претензии по самому механизму решения проблем: был принят механизм радикальных решений, а не механизм ступенчатых шагов по расшивке неприятностей. Но по сути, фундаментально, нынешний кризис рожден созданием такого рода финансовых пирамид.

Можно сказать и больше: когда была построена пирамида ГКО, коммерческим банкам вменили в обязанность покупать ГКО. Мало того, фондам медицинского страхования, пенсионному - тоже, страховым компаниям - тоже. И это не было соглашением двух сторон, имеющих какой-то общий интерес: одна - продать, другая - выгодно купить ценные бумаги. Это был прямой диктат государства над в общем-то независимыми структурами: коммерческими банками, фондами, работающими в социальной сфере, и т.д.

Отсутствие каких-либо решений, которые в течение шести лет должны были приниматься государством по развитию экономики, по целевым программам развития отраслей, конкретного производства, в том числе и в рамках негосударственных структур, ра-

ботающих на хозяйственном поле, явилось той основой, которая сегодня привела к кризису неплатежей.

Если говорить о каких-то макроэкономических пропорциях и макроэкономических целях, которые нам все время объяснял, правда невнятно, господин Гайдар, то вместо экономики, которая должна была трансформироваться и через рыночные преобразования набирать потенциал, мы получили **блефономику**, в которой, например, зарплата рабочим выплачивалась тем товаром, который производился на данном предприятии. Недавно во время встречи с министром финансов Австрии, который сейчас председательствует в Экономическом совете Европейского сообщества, я сказал: очень хорошо, что Россия, по сути, перестала производить ракеты, ибо не дай Бог, если рабочим начнут выплачивать зарплату таким товаром.

У нас полностью поражена система взаимодействия между хозяйствующими субъектами. Экономика современного цивилизованного, технологически развитого государства предусматривает колоссальную кооперацию. Мы сейчас ругаем классиков марксизма-ленинизма, но я хорошо помню формулу из «Капитала» на этот счет. Маркс сказал (и это в середине прошлого века!), что современное промышленное производство тем и отличается от средневековой мануфактуры, что в нем существует глубокое разделение труда. Или, говоря современным языком, - кооперация. Так вот, мы сегодня все делаем, чтобы эта кооперация рухнула.

Есть важные причины, которые ведут нас к разрушению кооперации. Одна из них — тарифы. Сегодня стало невыгодно производить и транспортировать комплектующую продукцию, невыгодно добывать и отправлять на экспорт уголь из Кузбасса, потому

что тарифы на перевозку угля, скажем, в Японию таковы, что Кузбасс вынуждается работать себе в убыток. Из-за высоких цен японцы перестали покупать уголь в России. Сегодня невыгодно решать проблемы кооперации по созданию крупных образцов техники, потому что конечный производитель машин, агрегатов, изделий не может расплатиться с теми, кто поставляет ему по кооперации комплектующие. Он мог бы расплатиться своими конечными изделиями. Но конечными изделиями не заплатишь рабочим. И сегодня у нас в реальном экономическом секторе существует совершенно дикая система, при которой все те, кто раньше был завязан на кооперацию, отказываются от нее из-за тарифов, потому что оплачивать поставки комплектующих финишной техникой может только тот, кто ее производит. Но и для них есть сложности: ведь этими собранными из комплектующих, например, автомобилями постоянно оплачивать продукцию заводу - поставщику задних мостов бессмысленно. Завод-поставщик должен получать деньги. В первую очередь надо платить зарплату рабочим, затем пополнять оборотные средства, чтобы закупать материалы, оплачивать электроэнергию и т.д., обеспечивая тем самым производство (я уж не говорю о расширенном воспроизводстве) этих самых задних мостов. И так повсеместно.

Поскольку сейчас кооперация и специализация развалились, многие производители конечной продукции стали ориентироваться на натуральное хозяйство. При этом «свою» часть работы они делают на высоком профессиональном уровне при относительно невысоких издержках. К сожалению, теперь часто и то, что прежде поступало им по кооперации, они стараются тоже делать

сами. Однако издержки при этом выше, а качество хуже.

А проблема оборотных средств предприятий? Избранная стратегия реформ в одночасье обесценила оборотные средства предприятий в десять тысяч раз, а сейчас и еще больше. Ни о какой компенсации этих долгов нет даже речи. Стоит ли удивляться, что немедленно после завершения этой акции, или вивисекции, задолженность предприятий по энергоресурсам оказалась почти равной объемам утраченных оборотных средств.

Что же у нас случилось? Я возвращаюсь к принципам организации экономики, которую, в сущности, нам навязали монетаристы. Я не говорю о приватизации, это требует отдельного разговора, который сегодня, может быть, и не стоит ставить во главу угла. Я говорю о подчиненности требованиям, которые диктовал Международный валютный фонд. В разговоре с министром экономики Австрии я сказал, что МВФ абсолютно не разобрался в ситуации в России. Он делал для России все, что раньше делал для малых стран. Но Россия имела и имеет право на формирование своего внутреннего рынка. Страна с населением больше 100 млн. человек, как говорят ученые-экономисты, имеет все основания для создания своего внутреннего рынка, конечно, интегрированного с мировым, но интегрированного по поставкам и взаимодействию с другими странами не в качестве основы, а лишь в качестве дополнения к собственному внутреннему рынку...

Из-за принятой у нас политики мы были обязаны выполнять требования МВФ. Эти требования сами по себе, внешне, кажутся даже логичными. Возьмем, скажем, требование «обнулить» инфляцию. Что же здесь

плохого (хотя ни в одной стране нет нулевой инфляции)? От нас потребовали довести инфляцию до нуля, и А.Б.Чубайс докладывал МВФ (не стране, а МВФ докладывал!), что мы побороли инфляцию, что мы обеспечили жесткое соотношение рубля к доллару. Кстати, замечу, что жесткое соотношение рубля к доллару, которое поддерживалось в этом году Центробанком, по моим оценкам стоило стране 9 млрд. долларов потерь. Доллары вбрасывались для искусственной поддержки долларového паритета рубля. Все это, конечно, должно было обвалиться и обвалилось.

Сейчас я немного отвлекусь. Что с нами происходит? Чтобы понять, нам нужно понять то, что теперь называют менталитетом, а раньше называли психологией, философией общества. Так вот, по своему менталитету мы полярны, дискретны. Мы работаем в том же режиме, в каком работает компьютерная техника: либо 0, либо 1. Все у нас связано с дискретными состояниями. Но все-таки мы не столь стандартизованы, как немцы или, скажем, голландцы. Мы парадоксальны. Такая парадоксальность, кстати говоря, не недостаток, это признак творческой нации. Мы абсолютно непрогнозируемы, и с учетом нашей дискретности, полярности эта парадоксальность всегда ведет нас к крайним решениям. Такова наша философия: мы или любим, или ненавидим, «или голова в кустах, или грудь в крестах», «или пан, или пропал». Мы никогда не удерживаемся на оптимальном уровне. Мы пока не научились компромиссу. Мы всегда говорим о каких-то революционных, радикальных преобразованиях и решениях.

Мои предложения, которым мы стараемся следовать, по крайней мере у себя в Москве, опираются на метод **управления тен-**

денциями. Это движение по маленьким ступенькам, которое вполне воспринимается специалистами и обществом и позволяет получать каждый раз отрицательную обратную связь, дающую возможность сделать следующую ступеньку более близкой к оптимальной. Так называемый метод регулярного симплекса, который принят и хорошо работает в экономике и математике – это движение к оптимуму через треугольнички, когда анализ состояния треугольника и свойств каждого из его элементов позволяет построить следующий треугольник. Такой способ движения является нормальным. Но нет. Нам всегда нужно все сразу. «Весь мир насилья мы разрушим до основанья». А затем?..

Итак, что же я считаю главным, базисным. (Со мной могут не согласиться. Это не мнение специалиста в области экономической теории - я субъект сугубо хозяйствующий.)

Глубинная, принципиальная ошибка состоит в доведении борьбы с инфляцией до абсурда. Ведь когда мы говорим о том, что побороли инфляцию, мы побороли не только инфляцию, но и базисное начало товарно-денежных отношений в цивилизованном государстве. Мы исключили деньги из обращения в государстве. Мы перешли в пещерный век, когда меняли один товар, скажем, мясо, на другой товар, скажем, пик или каменные наконечники для стрел. То же самое происходит у нас сегодня: у нас нет полноценных реальных денег, нет нормального средства обмена.

Попробуем выяснить, как мы выглядим по сравнению с теми странами, где обстановка поспокойнее. Обнаруживается, что доля реальных денег у них обычно не ниже 70% от ВВП. При этом нужно обратить внимание на очень важную особенность денеж-

ного обращения, совершенно не развитую у нас. У них безналичные взаиморасчеты сегодня осуществляются на высочайшем уровне. Повсеместно работают кредитные карточки, идут другие виды безналичных расчетов, и тем не менее масса кассовых денег в большинстве стран находится где-то около 70% от ВВП.

А что же у нас? Я не берусь говорить о точных данных, это должны подсчитать специалисты (кстати говоря, это знает только один орган – Центробанк). По нашим оценкам получается так: от 7% до 12% наших родных рублей и суммарно до 25% от ВВП с учетом иностранной валюты, которая циркулирует сегодня в экономике, причем чаще всего на теневом, «человеческом» рынке, но не на открытом экономическом рынке государства.

Сколько же нужно в стране кассовых денег, если даже исходить из самых примитивных соображений? Более точно нам подскажут специалисты, и я к ним отношусь с величайшим уважением. Итак, сколько же нужно кассовых денег? В общем, их нужно столько, чтобы был обеспечен розничный товароборот, т.е. обеспечена выплата заработной платы и, тем самым, возможность для человека прийти в магазин и купить на эту зарплату потребительские товары. Это первый и самый важный момент для определения объема денежной массы. И должен быть какой-то паритет между массой предлагаемого на прилавках товара и массой денег, выпускаемых государством для того, чтобы обеспечить функционирование всей этой системы в режиме «деньги - товар - деньги», или «товар - деньги - товар». Все это, конечно, зависит от многих других обстоятельств, я не берусь здесь предлагать какие-то рецепты или высказывать аксиомы, но по

постановке вопроса, по его логике - это основа. Можно говорить о том, сколько дополнительных элементов нужно вводить на другие виды расчетов, т.к. у нас есть мощнейшая коммунальная сфера, есть сфера услуг и так далее, но так или иначе потребную массу денег определяет все-таки потребительский рынок - прилавок и сфера обслуживания.

Сейчас ни того, ни другого нет. И на сегодняшней конференции по разрешению проблемы неплатежей мы должны коллективно выяснить причины возникновения неплатежей как основного фактора современного экономического состояния России. Я убежден в том, что Отделение экономики РАН, ведущие ученые смогут дать ответ на этот вопрос. Если нам удастся точно описать образ этого бедствия, можно будет говорить и о точных методах его преодоления.

Здесь я перейду ко второй части своего выступления, очень короткой.

Я должен принести от имени правительства Москвы официальные извинения нашим ученым, академикам, специалистам, которые занимаются проблемами экономики, в связи с совершенно диким выступлением на ТВ-Центре.

Поскольку ТВ-Центр считают программой, каналом правительства Москвы и любое его выступление в какой-то степени связывают с позицией правительства Москвы, могу вам сказать, что ТВ-Центр - это независимый от правительства Москвы канал. Мы пользуемся его услугами, но ничего ему не навязываем и не заставляем тех специалистов, которые там комментируют, рассказывают или информируют, давать информацию в каком-то определенном, заведомо отработанном, отрежиссированном виде. Но я хочу, учитывая, что правительство Моск-

вы, Городская дума финансируют этот канал, при его независимости, принести глубочайшие извинения и сказать, что мы не только абсолютно не согласны, но и возмущены тем рассказом, который один из комментаторов (он, наверно, тоже мнит себя почти академиком, классным специалистом) дал по поводу экономической ситуации в стране и поливал при этом наших ученых самыми последними словами. И это делалось настолько неграмотно, что у меня буквально не только голова, а и спина кругом пошла от этих рассуждений.

Я вижу - нас сегодня снимает, насколько я понимаю, ТВ-Центр. Так вот, прошу вас дать эту часть моего выступления в эфир. Все остальное можете не давать, а это я прошу дать обязательно.

Теперь я перейду к третьей части своего выступления - непосредственной проблеме расшивки неплатежей. Я убежден, что наша встреча тоже поможет как-то сориентироваться. Здесь один человек не может и не должен принимать решения. Эта проблема относится к числу метапроблем, она состоит из большого числа подпроблем, задач и т.д. И, тем не менее, хочу сказать о некоторых мерах, с помощью которых мы должны устранять неплатежи:

а) изменение доли реальных рублей, т.е. кассовых денег, по отношению к общему объему ВВП,

б) изменение - и я с этой позиции никогда не сойду - уровней налогообложения, а может быть, и принципов налогообложения.

Когда я говорю о принципах налогообложения, то имею в виду в первую очередь замену налогообложения прибыли - абсурдная сейчас вещь у нас! - на налогообложение оборота. Здесь надо учесть два фактора: объективный и субъективный. Первый -

прибыль как расчетный показатель не является оперативным для налогообложения: он все время опаздывает минимум на полмесяца после завершения отчетного периода. Второй - прибыль как расчетный показатель легко подвержен сознательному искажению, обману, и мы это хорошо знаем. И если я директор или хозяин, то «обмануть прибыль» мне ничего не стоит.

Если же налог брать с оборота, то получается иначе: сегодня я продал продукцию, и сегодня, сразу же 3-5% пошло государству. Нужно перевести налогообложение на эту оперативную базу, когда любая продажа дает возможность получить отчисления в государственную казну, а не так как сейчас, когда после расчета и «обнуления прибыли» любым хозяйственником государство не получает ничего. Я считаю это принципиальным элементом всей антикризисной программы. В самой программе этот шаг является тактическим, а в нашей налоговой политике он может стать принципиальным.

Итак: изменение принципов налогообложения – это обязательно.

Следующее - изменение тарифной политики. Ну как мы можем говорить о продолжении кооперации, если мы не можем перемещать в пределах Российской Федерации грузы, комплектацию, товары и т.д.? Сейчас это все в режиме самозатухания, самоподавления.

В связи с этим я позволю себе вспомнить известного популяризатора биологических знаний Игоря Акимушкина. Он написал несколько книг об инстинктах, философии животных. Инстинкт животных с одной стороны мудр, а с другой - слеп. Акимушкин, например, рассказывает о диких австралийских курочках, которые продолжают свое потомство таким образом: курица отклады-

вает яйцо, петушок сгребает на него листву и все, что гниет, и там в этой куче за счет процессов гниения повышается температура. Получается своеобразный инкубатор. Так вот, когда наступают холодные дни, петушок начинает все больше и больше набирать листвы и прочего, и порой доходит до того, что цыпленок, вылупившись, не может пробиться через эту гниющую гору. Но это к слову. Пример с намеком. Хочу обратить ваше внимание на то, что слепое культивирование рынка всюду и всегда, следование «однолинейной политике» может приводить к тяжелейшим последствиям.

Обратимся, например, к тому же транспорту. На мой взгляд, нельзя допускать, чтобы все расходы транспорта формировались только от перевозок. Часть расходов должна покрываться из бюджета, потому что транспорт стимулирует социально-экономическое развитие, играет, так сказать, инфраструктурную роль. Это мы отчетливо видим даже на примере Москвы. Так, снижая доходы транспортных компаний от продажи билетов, мы можем резко увеличивать объем продаж жилья в некоторых районах Москвы. Это целиком покрывает дотации на незаполненные автобусы, связывающие этот район с ближайшими станциями метро. Когда у нас не было дотирования этого вида транспорта, автобусы всегда были переполнены. «Билетные» доходы транспортников были больше, но люди не хотели жить в этих районах.

Точно так же и с другими транспортными расходами. Из-за того, что товар, произведенный в точке А, оказался использованным в точке Б, происходит рост валового продукта, повышение благосостояния граждан, увеличение сбора налогов. Но если за эти положительные эффекты должен расплатиться лишь тот, кто, например, постав-

ляет металлический лист, используемый для изготовления самых разнообразных товаров, он просто разорится, и остановится целая цепочка производств.

Я не хотел бы, чтобы сказанное было истолковано так, что мы должны дотировать перевозки независимо от целесообразности затрат перевозчика. Я просто хотел подчеркнуть неизбежность для России с ее просторами создания экономических механизмов дотирования транспорта.

Поставив задачу окупаемости авиационного, железнодорожного, других видов транспорта за счет прямых платежей за перевозки, мы тем самым по существу торпедировали возможность вести в России эффективное производство с опорой на современную, в том числе межрегиональную, кооперацию. Это большая ошибка, особенно если учесть, что дореформенная Россия представляла собой по существу один большой завод. Необходимо снизить тарифы, и это решение должно быть принято немедленно.

Обратимся к энергетическому комплексу. В отношении потребления энергоресурсов и электроэнергии у нас фактически не работают антимонопольные регуляторы. Ситуация усугубляется еще и тем, что мы наследуем структуру снабжения энергоресурсами с времен, когда оно было почти бесплатным. Цена энергоресурсов включала только трудовую стоимость их добычи и доставки. Ресурсная рента, говоря образно, перекладывалась из одного государственного кармана в другой. А вот потери тепла тогда были скрыты от экономического анализа, в результате, например, наши здания расходуют в четыре раза больше тепла, чем могли бы.

Короче говоря, как показывают наши расчеты для энергетического комплекса, тари-

фы на энергию можно снизить на величину до 35%. При этом очень важным является контакт с региональными энергетическими комиссиями, поскольку от них зависит снижение тарифов. Одновременно со снижением тарифов должно происходить жесткое дисциплинирование платежей за энергию. При этом придется, очевидно, провести реструктуризацию долгов: иными словами, их нужно на какое-то время забыть.

Реструктуризация долгов перед другими системами тоже должна быть осуществлена, ибо сегодня даже те хозяйствующие субъекты, которые вроде бы работают и выпускают свою продукцию, абсолютно не способны платить долги. Надо быть реалистами. Реализм требует от нас дать возможность экономике «раскрутиться», забыть на какое-то время некоторые долги. Потом можно вспомнить и начать договариваться, как все это в какой-то части компенсировать, но нагружать производство и обуславливать саму возможность продолжения работать хозяйствующему субъекту выплатой долгов сегодня нельзя. Нельзя ни при каких обстоятельствах.

По нашему убеждению, если бы удалось на практике, либо даже теоретически, провести все возможные взаимозачеты, все равно остались бы неоплаченные долги топливно-энергетическому, сырьевому и транспортному комплексам. И эти долги превосходят возможности всех российских производителей в том смысле, что они никогда не смогут «продать населению» все эти долги в составе готовой продукции. Это невозможно потому, что при этом граждане должны были бы купить, по сути, им же принадлежащие ресурсы, стоимость которых перенесена в готовую продукцию. Причем купить

то, что было у них взято бесплатно. Сделать это граждане не в состоянии.

Это обстоятельство значительной частью субъектов рынка осознается достаточно глубоко. Раз нельзя получить весь долг, заманчиво получить хотя бы часть долга. И чем меньше дисконт, тем лучше. Поэтому по всей России, подобно бандам Махно, разъезжают ловкачи - представители различных компаний, эксплуатирующие эту ситуацию. Энергетики и сырьевики прекрасно понимают, что долги им не заплатят, и согласны на дисконт. Получается, что те, кто первыми сумеют взять часть этого дисконта себе, могут выиграть, и для них проблема неплатежей решается. Но решается она не в интересах российского народа, а в интересах тех компаний, которые занимаются локальной расшивкой проблемы неплатежей.

Следующий вопрос. Организация контроля за обязательностью платежей. Как только произошел весь этот обвал, тут же появились другие ловкачи, которые решили: «У-у-у, посмотрите, какой хаос. Ох, как хорошо: они нас не достанут, у них свои проблемы, у них все обвалилось, у них нет денег. Не будем платить.» И не платят. Мы вплотную занимаемся этой задачей.

По размерам бедствия, по опасности быстрых разрушительных последствий главное сейчас – это банковская сфера. Банки, получая сегодня на 90% налоговые поступления, задерживают их дальнейшее движение, предпочитая в первую очередь рассчитываться с населением. Это, конечно, обязательная задача, но банкиры – а я с ними постоянно взаимодействую – говорят: «Слушай – там такие стоят в очереди, они меня убьют, я лучше рассчитаюсь с ними. А вы – власть городская, цивилизованная, вы меня не станете уничтожать, по крайней мере

физически». Банки формируют определенные массивы денег для того, чтобы иметь возможность расплатиться с людьми. Чисто по-человечески это я, кстати, понимаю, но я не принимаю этого механизма, потому что область, город, не получая из банков налоговых платежей, которые должны без каких-либо задержек отправляться в бюджетную систему региона или государства, тем самым лишают регион или государство возможности нести свои обязательства перед такими же, но зачастую более обездоленными, людьми. Правда, в этом случае банки говорят: «Претензии будут к мэру, губернатору или к премьеру правительства Российской Федерации, но не к нам». Из-за всего этого у нас полностью заморожены внутренние взаимозачеты в банковской системе.

Что нужно делать? Тоже ясно. Учитывая, что денег у государства нет (я знаю, сколько валютных резервов у страны, это не те резервы, которые могут нас спасти в этой ситуации), нужно:

а) поощрять взаимозачеты внутри банковской системы. По-другому здесь ничего не сделаешь, и нельзя было запрещать осуществление взаимозачетов,

б) если нет денег у банка, то есть резервы, которые сосредоточены в фонде обязательного резерва (ФОР). Нужно использовать эти резервы и давать возможность, снижая размеры ФОРа для каждого банка (не обнуляя, но все-таки снижая), высвободить резервные средства для того, чтобы оживить работу банковской системы.

Всего одна такая операция в прошлую пятницу дала расшивку по оформленным платежкам на уровне 5,3 млрд. рублей только по Москве. Фактически она составила около 4 млрд. рублей, но все равно это дало облегчение. Разумеется, это не лечение, тем

более, не радикальное лечение, но это мощное движение в ту сторону, куда нам нужно.

Необходимо – и я в этом плане поддерживаю решения, которые принимает Геращенко, - провести несколько итераций, постоянно изучая и анализируя результаты каждой из них, и таким образом успокоить и стабилизировать работу банковской системы. Ни в коем случае нельзя избрать подход Гайдара – пустить сюда нерезидентов и дальше вообще потерять отечественную банковскую систему. Он об этом прямо не говорит, но, как можно судить, подразумевает. Мы не можем допустить скупку отечественных бан-

ков, которые сегодня оказались несостоятельными в первую очередь из-за политики государства по вбрасыванию в капиталы банков ГКО. Эти «ценные бумаги» составляли до 35% уставного капитала банков, а теперь - в пределах 13-20-25%%. Государство должно помочь коммерческим банкам найти ресурсы (в том числе и в резервных фондах, и через помощь из резервов самого государства) для того, чтобы стабилизировать работу банков и сохранить отечественную банковскую систему.

Спасибо за внимание!